

свитером твоим тугим / Ты мир готова, как ребенка, / Привлечь на грудь свою, / И он, / Насытись, засмеется звонко / В порозовевший небосклон...» (**«Бег на лыжах»**, 1930).

В то время когда слово «Россия» было изгнанным из печатной лексики и заменено словом «республика», О. смело начинает с него стих. **«1924»**, посвященное смерти Ленина («Россия... Как в тысячелетие ином...», 1927), что опять же для пролетарских поэтов было нетипично. На поэзию О. обратил внимание М. Горький. 3 апр. 1928 он писал ему из Сорренто: «Ваши стихи, Сергей Александрович, я знаю; давно слежу за ростом Вашего дарования. С искренней радостью вижу, что в книге „Поход“ Ваше „мироощущение“ расширилось и углубилось, что процесс „осознавания“ Вами явлений жизни развивается хорошо и непрерывно, о чем говорят мне, читателю, новые темы, обогащение „лексикона“, простота и четкость образов...» (М. Горький. Соч.: Т. 30. М., 1955. С. 89).

1920-е оказались в судьбе поэта наиболее яркими с точки зрения худож. поисков по сравнению с последующими десятилетиями. Оттенки творческой горечи звучат в стих. **«Замысел»** (1935): «...Я одинок. / И, как аптекарь строгий, / Я мысль кладу и слово на весы <...> Мир распадается, приобретая форму / Жилплощади обычной... / Мгла. / Мир распадается, теряет слово. / Уж полночь. Ты изнемогла...». Публицистические стихи середины 1930-х (**«Баллада о неизвестном солдате, зарытом в могиле на площади Парижа в 1918 году»**, 1918; **«Бригадир»**, 1932; **«Москва»**, 1936 и др.) в сущности все более и более становились стихотворными (несмотря на разнообразие ритмического рисунка) иллюстрациями к «Правде» и «Известиям»: «Шагает хозяйкою по борозде, / По стропилам лучистым всходит, — / И всюду люди поют о труде, / Поют о партии, о вожде, / О строителе и садоводе...» (**«Баллада о весне 1933 года»**). В статье **«Как не надо писать»** (Лит. учеба. 1939. Ноябрь. (11). С. 75–86), предостерегая молодых поэтов от неточностей, умозрительности, декларативной жизнерадостности, говоря об опасности для поэта зарифмовать прозаические фразы, О. словно обращается к себе самому. Так, в двух строфах, посвященных 60-летию Сталина, О. сливается с гулом поздравительных стихотворных штампов: «Как рукопожатье друга в бою, (выделено. — В. П.) / Немеркнувшей в бурную ночь маяк, / Как зная мира — в каждом краю / Слово Сталин на всех языках. / И шепчет сыну над зыбкою мать: / — Ты слышишь?... Освобождая народ, / Красная

Армия — грозная рать / — С именем Сталина в бой идет» (Новый мир. 1939. № 12. С. 139). Стихи военных лет также не стали поэтическим открытием в творчестве О: здесь и «отеческий взгляд» на воинов, идущих в бой, и «в серой шинели Сталин», ведущий на рассвете в атаку гвардейцев, героическая работа в тылу, интернациональная дружба — все это было стихотворным, гражданским, но не поэтическим обращением к читателю. На этом фоне выиграло стих. **«Сожженные отстроят города...»** (1945), посвященное Победе. Выдержанные в классической форме, четыре строфы посвящены надежде на счастье, радости открытия истины, которую народ увидел «Еще яснее в мире затемненном...», неповторимости торжества тех майских дней.

После войны О. занимался переводческой работой. С белорусского им были переведены Янка Купала, Петрусь Бровка, Катусь Киреевко; с украинского — Андрей Малышко; с чувашского — Яков Ухсай, Петр Хузангай; с киргизского — Калык Акыев, Алыкул Осмонов, Аалы Токомбаев; с татарского — Фатых Карим, Муса Джалиль. Неоценимым остается его участие в переводе кабардинского эпоса «Нарты». В позднем творчестве поэт снова обращается к теме любви, которая, как и в произведениях 1920-х, раскрывается через лирическое «Я», а не газетно-отстраненное «мы», тем самым возвращая дух проникновенности и доверительности, с которым О. начинал свой поэтический путь: «Краткое, как вздох, одно лишь слово / Ты мне прошептала в этот вечер... / Помнишь: сорок лет тому назад / Уходил на фронт во тьму солдат...» (**«Что со мною было в этот вечер...»**, 1953).

Соч.: Сдвиг: стихи. М., 1921; Стихи о голоде. М., 1921; Поход. М.; Л., 1922; Огненная гавань. М., 1922; Капель: стихи. М., 1922; Винтовка и любовь: стихи. 1921–1923. М., 1924; Город. М., 1924; Митинг: Избранное о революции, любви и труде. М., 1924; Октябрь. М., 1924. Май. Л., 1925; Избранные стихи. М., 1926; О молодости: стихи. М.; Л., 1928; Город: Стихи и поэмы. М., 1929; Избранные стихи. М., 1933; Рабочий фронт: стихи. М., 1933. Новоселье: стихи. М., 1934; Дороги: стихи. М., 1947; Избранное: стихи и поэмы. М., 1954;

Лит.: Полянский В. [Предисл.] // Обрадович С. Избранные стихи. М., 1935; Волье Л. Поэзия труда и весны // Обрадович С. Стихи. М., 1970.

В. А. Прокофьев

ОВЕЧКИН Валентин Владимирович (псевдонимы Буревои, Валентин Буревои, В. Савельев) [9(22).6.1904, Таганрог — 27.1.1968, Ташкент] — прозаик, публицист, драматург.

В. В. Овечкин

Отец О. был банковским служащим: до Октябрьской революции 1917 работал счетоводом в Азово-Донском банке, потом — счетоводом в Таганрогском уездном продкоме. В 1921 отца не стало. Мать, Евдокия Петровна, была домохозяйкой, умерла в 1913. Поступив в 1914(13?) в Таганрогское техническое училище, О. вынужден был из-за материальных затруднений в 1919 прервать обучение и пойти работать. С 1919 по 1923 преимущественно сапожничал в Таганроге и окрестных селах. В 1923 О. обосновался в с. Ефремовка (Федоровский р-н Ростовской обл.). До сент. 1925 сапожничал, работал учителем школы ликбеза, заведовал избой-читальней, руководил самодеятельным драмкружком. В 1924 О. вступил в комсомол и вскоре стал секретарем местной комсомольской ячейки. Из крестьян-бедняков с. Ефремовка О. организовал в 1925 сельскохозяйственную коммуны им. М. И. Калинина и был ее председателем до 1931. В 1929 О. был принят в члены ВКП(б).

В 1928–29 появляются первые корреспонденции О. в таганрогской газ. «Красное знамя» («Таганрогская правда») и в ростовской газ. «Советский пахарь» («Колхозная правда»). В 1929 в газ. «Беднота» О. опубликовал первый рассказ «Савельев» за подписью Валентин Бурево. С 1931 О. на партийной и профсоюзной работе на Кубани, в г. Кисловодске и т. д.

В 1934 О. сменил партийную работу на журналистскую деятельность. С сент. 1934 О. — разведной корреспондент ростовских газ. «Молот», «Колхозная правда», «Армавирская коммуна» (с 1935) и «Большевик» (Краснодар, с 1938). В первой книге **«Кол-**

хозные рассказы» (1935) О. показывает борьбу старого и нового, прослеживает процесс становления социалистических отношений в деревне и формирования нового человека на селе. Вторая книга О. — **«Рассказы»** (1939) — развивает темы, заявленные в сб. «Колхозные рассказы».

В 1937 О. был исключен из партии по обвинению в заступничестве за приятеля (снова принят в 1943). С 1939 О. начинает печататься в московских ж. «Красная новь» и «Октябрь». В этом же году он оставляет газетную работу и полностью переключается на лит. творчество. Незадолго до войны о рассказах и очерках О. **«Прасковья Максимовна»** (1939), **«Без роду, без племени»** (1940), **«Слепой машинист»** (1941) и др. заговорили и критики, и читатели (см. о ранних произведениях О.: Ян-келевич Е. Рассказы В. Овечкина // Лит. обозрение. 1940. № 5. 5 марта. С. 7–12). Наиболее значительным достижением О. предвоенной поры стала повесть **«Гости в Стукачах»** (1940), ярко, с тонким юмором изображающая соревнование двух колхозов и затрагивающая целый ряд серьезных проблем деревенской жизни. В 1941 О. был принят в СП СССР. Перед войной писатель жил на Кубани — в ст. Родниковской Курганинского р-на Краснодарского края.

О. — участник Великой Отечественной войны; был во 2-й Кубанской казачьей дивизии; работал в газ. Крымского фронта «Боевая Крымская», окончил курсы политсостава, служил в должности агитатора полка на Сталинградском, затем на Южном фронтах. Принимал участие в боях под ст. Богаевской, хутором Врнажи (на Дону), в наступлении в Донбассе, в Запорожской обл., в боях под Мелитополем. В окт. 1943 был демобилизован и направлен на работу в газ. «Правда Украины». В этой газ. работал в должности писателя-очеркиста до марта 1946. Фронтные корреспонденции, статьи и очерки О. требуют к себе дополнительного внимания, т. к. они пока не стали предметом обстоятельного анализа. В годы войны семья писателя (жена Екатерина Владимировна и двое сыновей — Валентин и Валерий) находилась в эвакуации в Тбилиси.

В 1944 О. написал повесть **«С фронтовым приветом»**, которая была опубликована в 1945 почти одновременно с окончанием войны. Это произведение, впитавшее военный опыт писателя и его предощущения будущей мирной жизни, получило широкую известность как в стране, так и за ее пределами. Главные герои повести, капитан Спивак и старший лейтенант Петренко, размышляют о том, какой должна быть жизнь после военного лихолетья: «...в новой жизни на освобожденной

земле хотим мы видеть, после всех ужасов войны, много красоты и радости... Много крови пролили на этой земле, но и многого хотим от будущей жизни. Иначе и быть не может. Мы — наступаем. Не сохранять старые рубежи задача наша, а новые занимать» (СС: в 3 т. Т. 1. С. 432). Своей повестью, подкупающей простотой, искренностью, лиризмом и заботой о родной стране, О. сумел откликнуться на актуальные проблемы времени, и социально-экономические, и нравственные: задачи предстоящего восстановления народного хозяйства, творческое отношение к делу, чуткость и доверие к людям, право каждого человека на лучшую жизнь, опасность самоуспокоенности и др. Концовка произведения, ознаменовавшего естественный переход от лит-ры военных лет к послевоенной лит-ре, имеет призывно-публицистический характер: «Хочешь жить — броском вперед!» (Там же. С. 463).

Весной 1946 О. переехал в Таганрог, в авг. 1948 переехал в г. Львов (Курская обл.), спустя 5 лет — в Курск и прожил там до 1963. В разные годы О. был членом Курского обкома партии, депутатом Курского областного совета, членом Курского областного комитета защиты мира.

После успеха повести «С фронтовым приветом» прозаик и публицист, будучи мастером диалога, обратился к драматургическому жанру. В конце 1940-х — начале 1950-х О. создает 3 пьесы, в которых верен своим «деревенским» привязанностям: **«Бабье лето»** (1947), **«Настя Колосова»** (1949; 2-я ред. 1950) и **«Народный академик»** (1953, в соавторстве с Г. С. Фишем). Спустя десятилетие появятся новые пьесы О. о проблемах сельского хозяйства, о стиле партийного руководства, о нравственном облике человека: **«Навстречу ветру. Сцены из деревенской жизни»** (1958), **«Летние дожди»** (1959), **«Время пожинать плоды...»** (1960), **«Пусть это сбудется»** (1961). Но пьесы О. были все же недостаточно сценичны, что затрудняло их путь к зрителю.

В 1952–56 на страницах ж. «Новый мир» и газ. «Правда» увидело свет самое значительное произведение О. — книга **«Районные будни»**, состоящая из 5 очерков, которые связаны между собой общностью темы и действующих лиц: **«Районные будни»** (Новый мир. 1952. № 9), **«На переднем крае»** (Правда. 1953. 20, 23 июля), **«В том же районе»** (Новый мир. 1954. № 3), **«Своими руками»** (Правда. 1954. 27, 30 авг., 1 сент.), **«Трудная весна»** (Новый мир. 1956. № 3, 5, 9). О. глубоко проанализировал состояние сельского хозяйства, решитель-

но выступил против лакировки действительности, демагогии и очковитирательства, остро поставил проблему партийного руководства. При этом писатель проявил гражданскую и творческую смелость, приверженность подлинному реализму в изображении жизненных трудностей, противоречий. Книга О. далека от документальной, фактографической лит-ры; она представляет собой, по сути дела, худож. прозу (см. об этом: Тимофеева В. В. Поэтическое исследование жизни // Нева. 1957. № 4. С. 183–187). Писатель подчеркивал, что главное в его очерках — «человеческая сторона дела, а не сельскохозяйственная» (СС: в 3 т. Т. 3. С. 333). Книга «Районные будни» содержала в себе глубокие обобщения и яркие человеческие характеры. Имея в виду очерк О. «Районные будни», открывавший очерковый цикл, А. Т. Твардовский писал: «Сравнительно небольшой по объему очерк этот явился в нашей лит-ре, обращенной к сельской тематике, фактом поворотного значения. Здесь впервые с такой нежданной смелостью прозвучало встревоженное слово вдумчивого литератора о положении в сельском хозяйстве тех лет, о необходимости решительных перемен в методах руководства колхозами. Пожалуй, ни одно из произведений „крупных“ жанров, по выходе в свет этого очерка, не могло бы сравниться с ним ни читательской почтой, ни количеством отзывов в печати» (Твардовский А. Т. СС: в 6 т. Т. 5. С. 282–283). Произведение О. наносило удар по царившей в те годы «теории бесконфликтности»; оно проложило дорогу в лит-ру творчеству Г. Н. Троепольского, А. В. Калинина, С. П. Залыгина, Е. Я. Дороша, В. Ф. Тендрякова, В. А. Солоухина, В. А. Закруткина, М. Жестева и др. Без «Районных будней» были бы невозможны расцвет и достижения «деревенской прозы» 1960–70-х.

О. не раз говорил о том, что публицистика непременно должна быть действенной, в противном случае она не имеет смысла и ею не стоит заниматься. Он хотел видеть скорую практическую отдачу и от цикла «Районные будни», и от своих отдельных очерков и статей 1940–60-х, построенных на самом разном материале — деревенском, военном и ином: **«Рекорды и урожай»** (1946), **«О людях „без стельки“»** (1948), **«День тракториста»**, **«Упрямый хутор»**, **«Лавулирующие»** (все — 1952), **«Поговорим о насущных нуждах литературы»**, **«Новатор Терентий Мальцев»** (оба — 1954), **«В далеком и по-родному близком Китае. Заметки писателя»** (1955), **«О совещаниях, каких еще не проводили»** (1960) и др. О. было свойственно писательское

и гражданское нетерпение, проистекавшее из убеждения, что лит-ра (слово) может все. «Слишком нетерпеливый и оттого опрометчивый и несчастный, он мог в минуту отчаяния извлечь из сердца и черкнуть: „Пишешь, пишешь и — ни хрена, ни на градус не повернулся шар земной.“ И в малом, как и в большом и главном, — то же нетерпение, та же искренность, та же боль» [Атаров Н. С. — С. 167].

В жизни страны конца 1950-х — начала 1960-х было много глубоких противоречий, что приводило О. порой к полному отчаянию. У писателя, душой болевшего за все, что происходило вокруг, стала появляться мысль о самоубийстве. В 1961 после поездки в Приморье и на целину О. предпринял попытку покончить с собой: «...вся инспекция хрущевского „заднего двора“ привела Овечкина к таким горестным выводам, какие можно было иттижить только пулей... Собралось наверняка много разного, всякого, и от треклятой Калиновки, и от добротной провинциальной травли „на местах“, и от взаимоотношений с „Новым миром“, с Твардовским, но теперь, издали, главного никак не заслонить и не убрать: самый известный и яркий пропагандист начальных хрущевских реформ приходит к идее политического самоубийства. Утренний выстрел в кабинете неточен, выбит правый глаз, прострелен висок, московские врачи спасают жизнь. Но точка поставлена. С 1961 года очеркиста Валентина Овечкина нет» (Черниченко Ю. Учитель // Овечкин В. СС: в 3 т. Т. 1. С. 9). После случившегося жизнь писателя, и личная, и творческая, стала резко меняться не только внутренне, но и внешне.

Весной 1963 О. уезжает в Ташкент. Свой переезд, удививший многих, он, как правило, объяснял чисто семейными соображениями. Но это была лишь часть правды. После попытки самоубийства О. хотелось избавиться от сочувствия-любопытства друзей, знакомых, защитить себя от пересудов недругов. И он решает покинуть Россию. Узбекская земля встретила русского писателя весьма гостеприимно: «Принят я был здесь товарищами по перу по-братски. Быстро устроен во всех бытовых делах — с жильем и пр.» (СС: в 3 т. Т. 3. С. 86). В Ташкенте О. прожил до конца своих дней, сохраняя многочисленные и разнообразные связи с Россией (переписка, встречи с друзьями и т. п.). С 1958 и до самой смерти О. был членом редколлегии ж. «Новый мир»; он немало времени отдавал работе с начинающими литераторами. К сожалению, «ташкентский» период в творчестве О. не был ознаменован созданием какого-нибудь нового, значительного сочинения.

Начиная с 1950-х О. выступал со статьями и докладами по вопросам лит-ры и искусства. Некоторые из них, как, например, доклад в окт. 1955 «**Колхозная жизнь и литература**» (Новый мир. 1955. № 12), вызвали большой общественный резонанс и оказали заметное влияние на развитие отечественной лит-ры 1950–60-х, в частности на развитие «деревенской прозы». Весьма интересны и содержательны сохранившиеся записные книжки и дневники О. Среди обширного эпистолярного наследия О., которое проливает дополнительный свет на лит. и общественную атмосферу 1930–60-х, особенно выделяются его письма, адресованные А. Т. Твардовскому.

У О. были большие творческие планы: с конца 1950-х он мечтал написать автобиографическую книгу ([Наброски] // СС: в 3 т. Т. 3. С. 229–247); был занят подготовкой большой работы о знаменитом колхозе «Политотдел» (под Ташкентом) и его председателе Хване (см. об этом: Черниченко Ю. Тимофей Хван и Валентин Овечкин // Журналист. 1970. № 1. С. 48–52). В письме А. Т. Твардовскому от 8 сент. 1966 он сообщал: «Да, я не отступаю от своего намерения написать об этом колхозе. Рассказ о „Политотделе“ переплетается с моими воспоминаниями о нашей коммуне, где я председательствовал, о первых шагах колхозного движения... Колхоз „Политотдел“ — это тот идеал, который мерещился нам, первым голодным коммунарам в Приазовье, когда мы začínали свою нищую (в то время) коммуны» (СС: в 3 т. Т. 3. С. 34). Но творческие планы писателя 1960-х, связанные с автобиографическими и документальными жанрами, остались неосуществленными.

За 5 лет до своей кончины О. писал А. Т. Твардовскому (в письме от 11 дек. 1963): «Что-то будто оборвалось в душе. Я не тот, каким был, другой человек, совсем другой, остатки человека. Писать-то надо кровью, а из меня она как бы вытекла вся» (Там же. С. 318). Несмотря на гостеприимство узбекской земли, О. тосковал по России. О. часто посещала мысль о необходимости возвращения домой, это был «стон души». В одном из писем А. Т. Твардовскому (от 1 янв. 1965) О. писал: «Я подумывал просто о России, о каком-нибудь областном или даже не областном городе, но чтоб было свое, русское, родное. Только не в Москву. Туда меня не тянет. Но и для такого переезда, не в Москву, никаких реальных возможностей у меня нет, главная причина — денег нет...». (Там же. С. 323). О. скончался вдали от России, которую он так любил и о процветании которой он так заботился.

Биография и произведения О. послужили материалом для пьесы А. Буравского «Говори!» (1986), которая шла на сцене Московского драматического театра им. М. Н. Ермоловой.

Соч.: СС: в 3 т. / сост. и подгот. текста М. М. Колосова и В. В. Овечкина; вступ. статья Ю. Д. Черниченко. М., 1989–90; Избранное: Повести, рассказы, очерки [С биографической справкой]. Курск, 1955; Пусть это сбывается: пьесы. М., 1962; Избранные произведения: в 2 т. М., 1963; [Автобиография] // Советские писатели. Автобиографии / сост. Б. Я. Брайнина, А. Н. Дмитриева. М., 1972. Т. 4. С. 473–491; Статьи, дневники, письма / сост. Л. Ш. Вильчек, В. В. Овечкин, А. Н. Узиловский. М., 1972; Заметки на полях / вступ. статья М. М. Колосова. М., 1973. (Писатели о творчестве); В середине века: Переписка А. Т. Твардовского и В. В. Овечкина. 1946–1968 гг. / публ., комм., послесл. М. И. Твардовской // Север. 1979. № 10. С. 94–120; 1980. № 2. С. 83–110; Районные будни: Из записных книжек и дневников. Воронеж, 1980.

Лит.: Виденский И. Г. Валентин Овечкин: Памятка читателю. Курск, 1954; Приваленко М. Е. Валентин Овечкин: Критико-биографический очерк. Курск, 1955; Старикова Е. В. Поэзия мысли и борьбы // Знамя. 1956. № 12. С. 189–199; Тимофеева В. В. Из наблюдений над творческой работой В. Овечкина // Вопр. советской лит-ры. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 255–284; Лапшин М. А. Валентин Овечкин // Нева. 1961. № 4. С. 183–192; Виноградов И. Деревенские очерки Валентина Овечкина // Новый мир. 1964. № 6. С. 207–229; Владимиров Г. Утверждающая сила таланта: Заметки о творчестве В. Овечкина // Звезда Востока. 1964. № 11. С. 150–160; Валентин Владимирович Овечкин / сост. Э. М. Румянцева // Русские советские писатели: биобибл. указатель. Л., 1964. Т. 3. С. 322–337; Твардовский А. Т. Памяти Валентина Овечкина // Новый мир. 1968. № 1. С. 285–286; (То же под назв. «В. В. Овечкин» // Твардовский А. СС: в 6 т. 1980. Т. 5. С. 282–283); Троепольский Г. Н. О Валентине Овечкине // Новый мир. 1968. № 9. С. 33–35; Залыгин С. П. О Валентине Овечкине // Новый мир. 1968. № 9. С. 31–33; Калинин А. В. Пахарь и солдат // Дон. 1971. № 10. С. 181–187; Иванов Л. И. Встречи с Валентином Овечкиным // Сибирские огни. 1972. № 4. С. 152–160; Канторович Вл. «Делать правду»: (В. Овечкин и совр. очерк) // Вопр. лит-ры. 1974. № 6. С. 151–172; Атаров Н. С. Дальняя дорога: Лит. портрет В. Овечкина. М., 1977; Вильчек Л. Ш. Валентин Овечкин. Жизнь и творчество. М., 1977; Черниченко Ю. Д. Мои властители дум // Лит. учеба. 1979. № 3. С. 107–113; Воспоминания о В. Овечкине: сб. / сост. М. М. Колосов. М., 1982; Лапшин М. А. «Хочешь светить — гори!» // Наш современник. 1984. № 9. С. 179–185; Иванов Л. И. О моем времени // Октябрь. 1986. № 8. С. 178–183; [Овечкин и Твардовский]; № 9. С. 151–158; [Валентин Овечкин в Сибири]; Стреляный А. «Районные будни»: К 30-летию выхода в свет // Новый мир. 1986. № 12. С. 231–240; Черниченко Ю. Д. Поднявшийся первым // Новый мир. 1989. № 9. С. 178–192; Вильчек Л. Ш. Советская публицистика 50–80-х годов (От В. Овечкина до

Ю. Черниченко). М., 1996; Крюкова Н. Жил по правде. У земляков Валентина Овечкина // Правда. 1999. № 68. 22–23 июня. С. 4; Молчанов В. Дорогие страницы памяти. К 100-летию со дня рождения В. В. Овечкина // Наш современник. 2004. № 6. С. 187–194.

П. В. Бекедин

ОДАРЧЕНКО Юрий Павлович [1903(?) — 25.8.1960, Париж] — поэт, прозаик.

Детство провел на Украине, после эмиграции жил в Париже. Был владельцем небольшого ателье, работал художником по тканям, его рисунки ценились за оригинальность, вкус и мастерство. О. дружил с поэтом В. Смоленским, но сторонился лит. кругов; был изгоем в среде русского Монпарнаса — и в довоенные, и в послевоенные годы. Среди живых еще поэтов «парижской ноты» говорить о нем «было как-то страшновато и почти неприлично» (Бетаки В. Корень зла // Одарченко Ю. Стихи и проза. Париж, 1983. С. 233).

После войны редактировал вместе с В. Смоленским и Анат. Зайкевичем альм. «Орион», где печатались И. Бунин, Б. Зайцев, А. Ремизов, Г. Иванов и др. В эти же годы начинает публиковаться в «Новом ж.» (стихи) и в «Возрождении» (проза). В 1949 выпускает первую и единственную книгу стихов «**Денек**» (Париж), которая сразу обратила на себя внимание. По словам Г. Иванова, «стихи Ю. Одарченко — смелые и оригинальные, ни на кого не похожие, поразили и удивили: неизвестно откуда вдруг появился новый самобытный поэт» (Возрождение. 1950. № 10. С. 180). Среди др. откликов интересна аналитическая рецензия Ю. Иваска (Опыты. 1953. № 1).

Ю. П. Одарченко